

НАДЕЖДА ТЭФФИ

ВЕДЬМА

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т97

Во внутреннем оформлении использованы
иллюстрации:

© Calibro, Denys Drozd / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Иллюстрация на переплете *вереск*

Тэффи, Надежда.

Т97 **Ведьма / Надежда Тэффи.** — Москва : Эксмо,
2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-225759-9

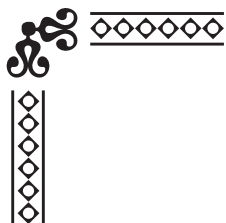
Домовые шепчут в темных углах избы, банники путают мысли, а ведьмы вызывают бурю одним лишь взглядом. Здесь русалки не поют, а тоскуют, лешачихи блуждают между мирами, а вурдалаки глядят из темноты, выжидая.

Готов встретиться с ними? Назад дороги уже не будет.

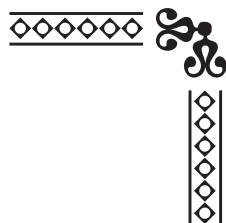
УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225759-9

© Тэффи Н., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ВЕДЬМА

Иногда, вспоминая, даже удивишься — неужели были такие люди, такая жизнь?

Иностранцу, само собою разумеется, рассказать об этом совершенно невозможно — ничего не поймет и ничему не поверит. Ну а настоящий русский человек, не окончательно бывшее забывший, тот, конечно, все сочтет вполне достоверным и будет прав.

Вот расскажу вам сейчас историю, которую слышала от одной очень уважаемой дамы. И ничуть меня эта история не удивила. То ли еще у нас было!

— Было это, — начала рассказ свой моя приятельница, — лет тридцать тому назад. А может быть, и немножко меньше. Жили мы тогда в маленьком степном городке, где муж служил мировым судьей.

И скучное же было место этот самый городишка! Летом пыль, зимой снегу наметет выше уличных фонарей, весной и осенью такая грязь, что на соборной площади тройка чуть не утонула, верев-

ками лошадей вытягивали. Помню, ходила наша кухарка в курень — там булочная курень называлась — так сапоги выше колен надевала. А раз мы с мужем засиделись в гостях, вышли, а за это время так улица раскисла, что перейти ее никакой возможности не оказалось. Хорошо, что по нашу сторону был постоянный двор — там и заночевали, а утром в телеге нас домой доставили.

Нудная была жизнь.

Чиновники ходили друг к другу в карты играть. Был и клуб, очень убогий. Там иногда какой-нибудь шулер обчищал чиновничьи карманы, так и то праздником считалось. Все-таки хоть печальное, да оживление.

Дамы больше сидели по домам.

Да и куда выйдешь?

Помню, раз брожу я поздно вечером — просто от тоски вышла — луна светит и тихо, тихо... Ни одного огонька в окнах, дышит мутная лунная степь теплой полынью. И дрожит над тихими улицами истерический птичий вопль — это — мне уже говорили — плачет докторова цесарка, у которой зарезали самца. Плачет цесарка все одной и той же фразой, три ноты в ряд, две тоном выше. Рассказать мне вам трудно, но такой безысходной тоски, как этот плач над мертвым городком, в этой безысходной глухой тишине вынести человеческой душе невозможно.

Помню — пришла я домой и говорю мужу:

— Теперь я понимаю, как люди вешаются.

А он вскрикнул и схватился за голову. Видно, уж очень у меня лицо страшное было...

Жили мы, однако, мирно, семейно. Было мне тогда лет девятнадцать, Валечке моей года полтора. При ней нянюшка, старушонка, потерявшая счет годам, рожденная еще в крепостном состоянии у моей тетки. Квартира была уютная, на стенах в рамках институтские подружки и товарищи мужа по правоведению.

Прислуга в этом городишке была отвратительная. Все бабы пьяницы и табак курили, а по ночам впускали к себе в окошко местного донжуана, безносого водовоза.

Но мне в отношении горничной отчасти повезло. Была она очень тихая, рябая, белобрысая и обладала необычайной способностью находить потерянные вещи.

— Устюша, — спросишь ее, — не видали ли вы моих ключей?

Она минутку подумает, потом решительно пойдет в кухню, принесет метлу, засунет ее под диван и выволочет ключи.

Раз даже так было.

— Помните, — говорю, — Устюша, у меня в прошлом году на туалетном столике все какая-то бархотка валялась? Где бы она могла быть?

Устюша подумала, подошла к креслу, засунула руку между спинкой и сиденьем, пошарила и вытащила.

Все это, конечно, было очень занятно и удобно. К тому же она не курила и не напивалась.

С остальной прислугой жила она мирно, но надо отметить, что хотя с ней и не ссорились, но смотрели на нее как-то точно исподлобья, не то

подозревая ее в чем-то, не то побаиваясь. Но кто уже явно враждебно к ней относился, так это наша кошка. Едва Устюша появлялась в комнате, как кошка вскакивала, вытягивалась на лапах вверх, шерсть у нее становилась дыбом, и удирала кошка со всех ног куда попало и забивалась в угол.

— Что, Устинья бьет ее, что ли? — удивлялись мы. Но как-то непохоже было. Уж очень наша слуга была тихая, ходила с опущенными глазами и говорила почтительно.

Все бы хорошо, но надо сказать, что водились за ней странности. Как их назвать, даже и слова не подберешь. Рассеянность, что ли. Например, пошлешь ее за булками, а она принесет петуха. Ну куда нам петуха к чаю?

Позвали раз мы вечером гостей — доктора Мухина и следователя с женами, в винт играть. Все приготовили, ждем.

Вот кто-то как будто позвонил, слышим, Устюша открывает, но, однако, никто не вошел. Потом опять звонок, и опять никого нет. Муж говорит: «Что-то здесь странное». Позвали Устюшу.

— Кто звонил?

— Следователь с барыней да Мухины господа.

— Так отчего же они не вошли?

— А я им сказала, что вы уже спать полягали.

— Зачем же вы так сказали! Ведь вы же знали, что мы гостей ждем и вас за конфетами посылали и кружевную скатерть накрыли!

Молчит. Стоит, глаза опущены, круглая, желтая, совсем репа.

— Зачем же вы это сделали?

— Виновата.

И ничего больше от нее и не добились.

Много раз твердо решали мы ее выгнать, да все боялись, что следующая еще хуже окажется.

Но раз выкинула она штуку совсем уж непростительную. Дело было на Масленице, и позвали мы на блины человек пятнадцать. Все было готово, уже начали садиться за стол, как вдруг мне показалось, что маловато будет семги.

Бакалейный магазин был рядом с нами, и я шепнула Устюше.

Устюша живо побежала, а мы принялись за блины. Только, смотрю, подает блины не Устюша, а кухарка.

— Что это значит? — Бегу в кухню.

— А где же Устюша? Чего же она не подает?

— Да она, барыня, подавать не будет. Она в деревню на свадьбу уехала.

— Как на свадьбу? Я ее в лавку послала.

— А она по дороге куму встретила, та ей сказала, что сегодня в деревне свадьбу играют, она сложила узелок да и поехала.

Можете себе представить, как это нас поразило!

Пропадала Устюша ни много ни мало четыре дня. И все это время мы не переставали толковать о ней и возмущаться этой сверхмерной наглостью.

— Я ей скажу, — сдвинув брови, говорил муж. — Я ей скажу: «Устинья, отвечайте категорически...»

— Ну, вот видишь, — прервала я, — «категорически»... Ты совершенно не умеешь говорить с народом! Я сама ей скажу...

— Ты? Разве ты можешь сделать кому-нибудь серьезный выговор? Ты начнешь хныкать, и все пропало. С ней надо говорить резко. Я скажу: «Если ваша функция горничной...»

— А я тебе все-таки советую не ввязываться. С ними надо говорить просто: «Устинья, убирайтесь вон». Вот и все тут.

Долго мы спорили, отстаивали каждый свое право выгнать Устюшу...

Я попросила кухарку подыскать поскорее другую горничную.

— Это зачем же?

— Как зачем? Ведь я же Устинью выгоню. — Кухарка загадочно улыбалась.

— Никогда вы ее не выгоните!

— Почему?

— А потому, что она каждую ночь на вас шепчет, и бумагу жжет, и в трубу дует. Вы ее прогнать не можете.

Посмеялась, рассказала мужу.

— Вот темный народ! Какое безобразное суеверие. А она еще вдобавок грамотная.

Велели кухарке непременно найти новую горничную, а сами все толковали, кто из нас лучше сумеет Устинью выгнать.

— Что это значит, что она бумагу жжет и в трубу дует? — допытывалась я.

— Мало ли у темных людей всяких суеверных пережитков средневековья, — объяснял муж. — Меня только удивляет, что Устинья способна на такой вздор.

— А может быть, просто кухарка наклеветала, чтобы выжить ее и какую-нибудь свою куму рекомендовать?

— Может быть, и так. Но дело сейчас не в праздных догадках, а в том, чтобы, не медля ни минуты, выгнать ее. И это я беру на себя.

— Нет, я беру на себя.

— А я убедительно прошу мне не противоречить.

На четвертый день вечером сидели мы с мужем вдвоем за самоваром. Я вязала, как сейчас помню, Валечке рукавички. Муж раскладывал пасьянс. А на столе сидела кошка и жмурилась на молочник со сливками.

Вдруг кошка вскочила, лапы вытянула, шерсть дыбом, прыгнула со стола и брысь в гостиную. И тотчас портьера раздвинулась и вошла в комнату Устюша. Тихая, круглая, желтая, как всегда. Подошла к мужу, поцеловала его в плечо, потом ко мне, поцеловала меня в плечо, потом повернулась к буфету, взяла какие-то чашки и медленно вышла.

— Так что же ты! — шепнула я мужу.

— Да ведь ты же хотела сама... — смущенно бормотал он.

— Господи! ведь ты же кричал, что непременно сам ее выгонишь! Что же теперь делать? Я теперь уж и не знаю, как мне приступить...

Опять вошла Устюша, спокойная, встала у дверей и спросила:

— Можно прачке вчерашний пирог отдать?

— Можно, — ответила я.

— Можно, можно, — поддакнул муж.

Почему он вмешался, раз он никогда в хозяйственные дела не совался и даже, конечно, ни о каком пироге ничего не знал?..

— Ну как же теперь быть? — совсем растерялась я.

— Может быть, завтра все это выйдет удачнее... — смущенно бормотал муж. — Ты завтра утром просто скажи ей, что ее услуги нам больше не нужны.

— Почему же непременно я? Скажи сам. Ты глава дома.

И прибавила:

— Вот что значит в трубу дуть, не смеешь ее прогнать.

— Не говори глупостей, — сердито оборвал он и вышел из комнаты.

Так это дело и заглохло. Но ненадолго. Скоро разыгралась у нас такая история, о которой, пожалуй, в городке этом до сих пор вспоминают «не к ночи будь сказано».

Вот не знаю даже — сумею ли рассказать вам эту главную историю нашей жизни в К-ской губернии. Уж очень она странной покажется по нынешним временам.

Так вот, вскоре после Устиньиной отлучки без спросу неожиданно ушла кухарка. Очень загадочно, вдруг пришла за расчетом. Плела какую-то ерунду, что, мол, хочет отдохнуть в деревне, а сама осталась в городе, и все ее видели.

— Почему она ушла? — спросила я у няньки. — Может быть, ей жалованья было мало, так сказала бы, мы бы прибавили.

— Жалованья ей было очень даже довольно, — ответила нянька. — Эдакого места ей вовеки не найти. Сама говорила, что у такой барыни живи да живи. Масло, мол, не взвешивает, яиц не считает, совсем, говорит, дура барыня. Жить даже очень хорошо.

— Так отчего же она ушла, если жалованьем была довольна? — спросила я, делая вид, что не расслышала последних слов.

— Ушла, потому что вымели.

— Как — вымели?

Нянька подошла поближе и зашептала:

— Укладка у ней в кухне стояла, под ключом. Прошлую субботу полезла за чистой рубахой, глядь, а в укладке поверх всего веник лежит. Ну она скорей вещи собрала да давай бог ноги.

— Как же в закрытую укладку веник попал? — удивилась я.

— Вот то-то и оно! Раз уж так ее выметает, так уж тут ждать нечего.

Как я уже говорила, была наша нянька очень старая, и, вероятно, от старости выражение лица у нее было очень мудрое: глаза исподлобья, рот углами вниз. А между тем дура она была феноменальная. Говорит, бывало, маленькой Валечке:

— Вот не будешь меня слушаться — уйду к деткам Корсаковым, они свою нянечку любят и ждут.

А детки Корсаковы уже сами давно от старости из ума выжили. Один — генерал в отставке, другой за разгул под опеку взят.

И любила нянька всякие страсти.

Как-то рассказывала, что собственными глазами видела водяного.

— Жила я у вашей тетеньки и пошла с Лизанькой утром к речке гулять. Вдруг слышу, ухнуло что-то, будто из пушки выпалило, и вся вода ходунном пошла. Хорошо, что со мной младенчик был, ангельская душенька и меня сохранила, а то бы водяной обязательно в речку утянул.

Я потом спрашивала у тетки, что это за история.

— А просто кучер купался, — сказала тетка. Много нянька вообще всякой ерунды плела, но на этот раз факт налицо: кухарка ушла из-за веника.

Рассказала я всю эту историю мужу. Тому было досадно, что хорошая кухарка ушла.

— Наверное, это Устиньины фокусы. Давно следует ее выгнать. Я с ней на днях поговорю. Надоела она мне.

— Да и мне тоже, — сказала я.

Так почти и порешили — Устинью гнать.

Только вот ушел как-то муж вечером в клуб, а я сидела у себя в спальней, собираясь спать ложиться. И помню, было у меня что-то на душе беспокойно. От того ли, что ветер в трубе выл — такая весна скверная, с метелями, со снежными заносами — ужас.

Воеет ветер, стучит заслонкой — тоска!

И вдруг входит нянька. Лицо мудрое, губы сжаты...

— Господи! Нянюшка! Что случилось?

А она подошла поближе, оглянулась, да и говорит:

— Барыня, а барыня, вы в столовую вечером не заходили?

— Нет, — говорю, — не заходила. А что?

— Ну, так пойдите, посмотрите, что у нас там делается. А я, воля ваша, больше в этом доме не останусь.

Очень удивленная, пошла я за нянькой в столовую, остановилась у дверей. Ничего — комната как комната, над столом лампа горит.

— Да вы на стулья посмотрите — аль не видите? — Смотрю — стоят стулья вокруг стола, странно стоят: спинками к столу, сиденьем наружу. Вся дюжина так поставлена.

— А этот, смотрите, тринадцатый, как сюда попал?.. — Смотрю — и правда, стоит отдельно около узкого края на хозяйском месте какой-то ковровый стулик, совсем мне неизвестный...

— Что же все это значит? — Нянька зловеще молчала.

— Может быть, это Валечка играла?.. — сказала я.

— Это полуторогодовалый ребенок такие тяжелые стулья станет двигать! Выдумали тоже!

Я совсем растерялась. Может быть, теперь смешно покажется, но тогда, уверяю вас, было очень жутко. Комната вдруг показалась совсем незнакомой, и лампа как будто как-то странно горит. И этот тринадцатый стул, бог знает откуда взявшийся...

Говорю робко:

— Нянюшка! Может быть, лучше стулья на место поставить?

Она даже испугалась:

— Ой, что вы это говорите! Да разве их можно теперь с места сдвинуть! На ем на каждом сам посидел.